

Наталья Лукьянова

Кто не рискует – не выживает

«Центрполиграф»

2010

Лукьянова Н. Г.

Кто не рискует – не выживает / Н. Г. Лукьянова —
«Центрполиграф», 2010

Чтобы помочь семье и подзаработать, Алена и Юлька – жены летчиков из приморского гарнизона – отправились в соседний Китай. Но не доехали – пропали. Их мужьям, Юре и Мише, пришлось выйти на тайный и могущественный синдикат, поставить на уши все Приморье, но у них ничего бы не вышло, если бы девчонки со своей стороны не проявили чудеса храбрости и выдержки. За эти подвиги семьи и получили вознаграждение от китайского бога удачи...

© Лукьянова Н. Г., 2010

© Центрполиграф, 2010

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	22
Глава 5	27
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Наталья Лукьянова

Кто не рискует – не выживает

*Маленькие дети, ни за что на свете
Не ходите, дети, в Африку гулять...*
К. И. Чуковский

Глава 1

За окном тихо плавилась и млела чудесная приморская осень. Время изматывающих душу и тело тайфунов, когда на улице плюс тридцать пять, а с неба, не затихая круглые сутки, льют потоки воды, наконец-то ушло вместе с летом.

Наступивший октябрь принес с собой мягкое тепло и бушующее многоцветье только-только начинающегося листопада.

«В Москве сейчас серо и уныло, срывается первый снег, а здесь просто благодать», – подумала Юлька, открывая балконную дверь. Яркий солнечный свет брызнул в комнату, которая в один миг стала еще уютнее, наполнившись теплом совсем по-летнему.

Вместе с потоками солнечных лучей в комнату хлынули звуки двора. Вот с соседнего балкона громко и довольно настойчиво пытаются дозваться какого-то Петьку на обед. Судя по тому, что громогласные призывы раздаются уже минут десять, у Петьки точно есть дела гораздо важнее, чем первое, второе и даже компот.

На весь двор звенят голоса детворы, самозабвенно гонящей футбольный мяч. Кто-то успокаивает плачущего малыша, кто-то громко окликает знакомого. В общем, жизнь отдаленного военного гарнизона, как всегда, бьет ключом и течет по своим определенным законам.

Отправляясь вслед за мужем-офицером в очередной, уже третий по счету в ее судьбе летный гарнизон, Юлька довольно смутно представляла себе, что это за край такой – Дальний Восток. Из далекого детства вспомнилось: Дерсу Узала, женьшень, еще приходилось слышать про уссурийского тигра, да всплыли слова из некогда очень популярной песенки, часто звучавшей по радио в далекие школьные годы: «...где я швыряю камешки с крутого бережка далекого пролива Лаперу-у-за...»

Вот, пожалуй, и все познания о далеком и не очень понятном месте. Никогда, даже в самых смелых фантазиях, она себе и представить не могла, что судьба забросит их семью в буквальном смысле на край света.

Дальний Восток покорила и влюбил в себя сразу и навсегда. Юлька часто задумывалась: если бы так случилось, что именно ей доверили выбирать имя для этого необыкновенного по красоте края? Она непременно назвала бы его страной Сопок, Тайги и Океана.

Ну где еще можно любоваться огромными полянами ярких цветов, которые расстилаются перед твоим восхищенным взглядом без конца и края до самого горизонта? Любой подмосковный дачник сразу бы сошел с ума от зависти – ни высаживать, ни поливать, ни ухаживать не надо. Растет и бушует вся эта неземная красота сама по себе. А разве можно сравнить даже самое экзотическое и замечательное море с океаном? Да ни в жизнь. Простые слова бессильны передать всю мощь и первозданную красоту этого чуда.

Природа восхищала таким разнообразием невиданной растительности, буйством красок, многообразием форм, что Юлька иногда сожалела, что не обладает поэтическим даром, чтобы достойно воспеть всю эту красоту, рассказать о ней другим людям, кто никогда не сможет, как она, любоваться тем великолепием, что создала природа.

Зато все, что было сработано руками, особо не вдохновляло, да и оптимизма не прибавляло. Юлька часто ловила себя на мысли, что ее не покидает довольно странное ощущение. Казалось, что буквально вчера из этого благодатного края ушли какие-то неведомые захватчики-вандалы, оставив после себя сплошной бардак, серость и тотальную разруху.

Ей всегда была непонятна логика людей, которые в собственной квартире чистят и драят до блеска, вылизывают каждый сантиметр, а переступив порог, гадят где попало. И ладно, если бы это касалось только военных городков, тут ситуация более или менее объяснима: живут временщики, что с них взять. Сегодня здесь, а завтра там. Местному населению, судя по всему, было все равно, каким образом жить. Видимо, отсутствие порядка, уюта и комфорта народ несколько не смущало, бытовая неустроенность компенсировалась природной красотой.

Юльку, честно говоря, трудно было удивить подобными трудностями и странностями местного колорита. Но все равно по приезду она ощутила настоящий шок оттого, как живут здесь люди. Контраст, после пяти лет, проведенных в сытой, благополучной, чистенькой Германии, был шокирующий.

За восемь лет замужества, переезжая из гарнизона в гарнизон вместе с мужем-офицером, она старалась не заикливаться на досадных бытовых мелочах, а просто спокойно и методично прилагала все усилия, умение, фантазию и устраивала жизнь своей семьи будто навсегда. В этот сложный процесс она вкладывала всю душу. Ее не пугали чужие порядки и законы или странный, на ее взгляд, уклад чужей-то жизни. Она просто-напросто старалась в пределах казенной маленькой квартирки сохранить свое понятие о доме и уюте, поддержать семейные традиции, питанные вместе с молоком матери.

Юля в любых предлагаемых обстоятельствах твердо придерживалась правила не откладывать жизнь на далекое и заветное «когда-нибудь потом», как это обычно принято в военной среде. Разговоры о том, что настоящая жизнь начнется после увольнения, ее не устраивали. Она старалась жить здесь и сейчас. Вместе с ней из гарнизона в гарнизон переезжали любимые и красивые вещи, ничего не складывалось в заготовки на хранение до лучших времен. Она никогда не могла понять некоторых сослуживцев, которые использовали вместо мебели ящики, пили чай из граненых стаканов, а нажитое складывали про запас в многолетнем ожидании какого-то мифического светлого завтра.

Для нее в ряду жизненных ценностей абсолютно и безоговорочно всегда и при любых обстоятельствах на первом месте была ее семья – любимый муж Михаил и их сыновья-близнецы Пашка и Сережка. И она твердо была убеждена, что ее основная задача как жены и матери – создать здоровую и теплую атмосферу в доме. Для этого она никогда не жалела ни сил, ни времени.

Несмотря на чудную погоду, настроение у Юльки было далеко не самое лучшее. Это был не мимолетный каприз – в последнее время жизнь преподносила один сюрприз за другим. И подарки судьбы были не самого приятного характера. Накопилось много домашних дел, пришлось сегодня скрепя сердце на пару часов отпроситься с работы. Желательно бы разобраться с многочисленными хозяйскими заботами до прихода мальчишек из школы.

Юлька, поправив занавеску, непроизвольно вздохнула, отошла от балконной двери и принялась хлопотать по дому. Разложила по местам вещи в комнате своих богатырей, которым, как всегда, катастрофически не хватило времени перед уходом в школу, смахнула пыль с мебели, глянула мимоходом на себя в зеркало.

Из зеркальной рамы на Юльку внимательно глянуло простенькое, но очень милое лицо, украшением которого, без сомнения, являлись огромные карие глаза, обрамленные пушистыми ресницами. Брови тоже не подкачали. Михаил очень любил цитировать популярную песню Розенбаума, особенно когда хотел ее подразнить немного. Мог замурлыкать в любой, самый неподходящий момент с невинным видом: «Ноги длинные, ах, эти брови вразлет».

Чуть вздернутый, но, к счастью, аккуратненький носик придавал лицу задорно-независимый вид, немного широковатые скулы и по-детски пухлые губы, нежный румянец, модная стрижка светло-русых волос – и портрет Юлии Сергеевны Савельевой готов.

Удовлетворенно хмыкнув, видимо оставшись довольной увиденным, Юлька с тяжелым вздохом, потому что предстоящее занятие она ненавидела всеми фибрами души, отошла от зеркала, устроилась поудобнее в мягком кресле и принялась штопать дырявый мужской носок.

И вдруг совершенно неожиданно для себя поняла, что плачет. Слезы безудержно лились и лились по щекам. Противные, непослушные нитки путались и рвались, половник, умело втиснутый внутрь носка, скользил и вырывался из рук. В мозгу настойчиво билось: «Боже, за что?» Стало жалко себя до невозможности.

Вроде бы, с одной стороны, все замечательно: прожито почти тридцать лет, рядом любимый и любящий муж, растут отличные здоровые парни, их двойняшки ненаглядные. С другой – приходится обживать уже в третьем по счету гарнизоне. Пережить три переезда – это вам не фунт изюма скушать. Даже здесь, на самом краю страны, с жильем очень трудно. Спасибо, что Мише квартиру сразу дали. Квартира – мечта в кавычках. Двухкомнатная хрущоба, комнаты проходные и маленькие, да и та принадлежит военному ведомству. Вечные проблемы, где что достать и каким образом умудриться накормить семью. А вчера в довершение всего официально объявили, что в скором времени на работе грянет тотальное сокращение. В первую очередь додумались уволить женщин, работающих в воинских частях. С работой и так трудно, приходится хвататься за любую возможность. И все женщины, кто работал с ней в воинской части вовсе не из любви к искусству, а попросту потому, что больше нигде, через три недели превращаются в безработных. Вопрос, как говорится, решен на высшем уровне и обжалованию не подлежит.

Перспектива – просто блеск: зарплата мужа, которую не выплачивают вот уже в течение трех месяцев. Занять, чтобы дожить до получки, просто физически нигде и не у кого – все здесь находятся в одинаковом положении. Родственники далеко. Вечно пропадающий на службе муж. Попробуй проживи на одну зарплату, которую задерживают, когда цены здесь практически московские, а то и повыше. И вдобавок ко всем неприятностям – абсолютно безнадежная куча дырявых носков... Проклятые девяностые, кто мог подумать, что будет так тяжело.

Рыдания и жалость к себе, несчастной, захлестывали молодую женщину все больше и больше, слезы душили, грозя превратиться в бурный поток...

– Надо что-то делать, надо что-то делать, так жить нельзя. – Юлька поймала себя на мысли, что бормочет эти слова вслух. Прикосновения носка к руке жгли и заставляли ощущать себя последней, самой разнесчастной нищенкой на всем белом свете. – Все, хватит! – громко скомандовала себе Юлька.

Стремительно поднявшись с кресла, она решительно сгребла в одну кучу уже заштопанные и еще ожидавшие своей очереди носки, нарочито бодро протопала на кухню и с ощущением нового поворота в жизни, испытывая огромное облегчение, погрузила тряпичный ком в помойное ведро.

– Клянусь! Больше никогда в моей жизни не будет ни зашитых колготок, ни штопанных носков! – почти торжественно произнесла она.

Вряд ли она могла себе представить, как неожиданно, очень скоро и бесповоротно, эта клятва, рожденная криком души, перевернет всю ее жизнь.

Юлька взглянула на часы и мысленно охнула – ну вот, чуть не опоздала в школу встречать своих малышей. Расклеилась, слезы начала лить, нервишки шалят. Не мамаша, а растяпа какая-то, ведь обещала мальчишкам еще с вечера забрать их после уроков. Она быстренько метнулась в ванную, умылась холодной водой, чуть подкрасилась, пытаясь скрыть под легким макияжем отпечатки недавней жуткой душевной борьбы и следы слез, в таком же темпе натянула на себя джинсы, свитер и вылетела из дому.

Ничего, успела, примчалась к школьному порогу как раз под веселую трель школьного звонка. Вон и ее неугомонные мчатся на всех парах. Жесткие белобрысы вихры торчком, глаза горят, рты до ушей, хоть завязочки пришей, – готовые персонажи для «Ералаша».

– Мама! Мама! – подлетел первым Пашка. – А что у нас сегодня было! Андрюша Зубов на большой перемене матными словами ругался! Ух, как Надежда Викторовна его за это отчитывала. А он все равно взял в игровой комнате мотоциклетный шлем, надел его и бился об стенку головой, здорово? – захлебываясь от распирающих его эмоций, делился школьными новостями сын.

– Зачем головой, сынок? – оторопела от такой новости Юлька.

– Эх, мама, ну как ты не понимаешь? Он же шлем на прочность проверял, это настоящее испытание, – продолжал горячиться Пашка.

– Мама – женщина, – подвел с важностью в голосе итог Сережка, – ей совсем и не надо ничего понимать, не женское это дело.

– А какое женское? – не унимался Пашка.

– Ну-у-у-у, обед готовить...

– Еще книжки читать, правильно, мам?

Через две минуты братья, перебивая друг друга, быстренько определили круг маминих обязанностей. Юлька с некоторым удивлением для себя узнала, что она должна: печь вкусные пироги, звонить по телефону, целовать папу, писать письма бабушкам, делать братьям массаж, поливать цветы, пылесосить, стирать, гладить, ходить в гости и на родительские собрания, помогать сыновьям делать уроки, а также читать им на ночь интересные книжки и так далее, и до бесконечности.

Милая болтовня сыновей постепенно отвлекла Юльку от недавних невеселых, прямо скажем, дум. Увлеченная развернувшимся конкурсом на лучшее женское занятие, она не сразу заметила шедшую навстречу приятельницу.

– Эй, знакомая семейка, привет! – весело воскликнула Алена, обладательница несколько странно звучащей для русского уха фамилии Бандура.

– Здравствуйте, тетя Алена! – дружным дуэтом отозвались близнецы.

– А почему вы к нам давно вместе с дядей Юрой в гости не приходите? Знаете, какой вчера мама вкусный пирог испекла, с малиной, – похвастался Пашка.

– Ага, пирог большой был, всем бы хватило, – поддержал брата Сережка.

Приятельницы звонко расхохотались. Сережкина практичность хорошо была известна среди знакомых семьи Савельевых.

– А правда, Юль, – отсмеявшись, произнесла Алена, – что-то мы с тобой давно на кофеек не собирались. Завтра суббота, отправишь своих орлов в школу и заходи. Посплетничаем чуть-чуть, имеем же мы, красивые женщины, право немного расслабиться. Ты знаешь, кофе мне тут по случаю привезли фирменный, надо бы продегустировать. Предложение принимается, надеюсь?

– Хорошо, договорились, мой все равно в наряде, вернется домой не раньше обеда, особых дел не предвидится, зайду обязательно, – легко согласилась Юля.

Вечер пролетел как обычно: ужин, уроки с детворой, чтение на ночь (святое!). Традиция нарушалась только в исключительных случаях.

Юлька обожала эту атмосферу погружения в давно забытый мир детских сказок, к тому же еще одним жирным плюсом ежевечерних чтений был момент воспитательный. Никого не приходилось уговаривать и убеждать что-то сделать. Мальчишки знали точно, что любая несанкционированная драка или баловство могут привести к жутким последствиям – мама откажется читать, и вели себя ближе к вечеру как ангелы.

Сегодня начали читать «Старика Хоттабыча». Отрываясь от текста, Юлька каждый раз ловила замороженные взгляды двух пар темных любимых глаз и в эти моменты с особой ясностью и щемящей нежностью в душе понимала, как же она счастлива.

Вечер благополучно подходил к концу, мальчишки дружно посапывали на двухъярусной чудо-кровати. Юлька опять осталась один на один со своими мыслями.

«Да, дорогая, – невольно возвращаясь к своим дневным переживаниям, подумала про себя она, – или ты всю оставшуюся жизнь прозябаешь и штопаешь одежду, готова к роли убогой нищенки и решила при этом каждый раз оплакивать безвозвратно уходящие годы, или действуй! Третьего не дано».

Резкий телефонный звонок заставил Юльку вздрогнуть. Конечно же это самый любимый мужчина на свете, ее Савельев.

– Солнышко, – услышала Юлька родной голос, – как у вас дела?

– Никаких дел, любимый, одни штатные ситуации. Правда, под вечер состоялся яростный боксерский поединок, но повезло всем – победила крепкая мужская дружба. Разбитых носов нет. Спальные места тоже поделили без драки. Так что все в порядке, портфели сложены, книжка на ночь прочитана, сопят себе наследники, смотрят сладкие сны и готовятся к новым подвигам.

– Как настроение, как дела, малыш? – Смешно сказать, столько лет женаты, уже парни скоро за девчонками ухаживать начнут, а у Юльки каждый раз сбивается дыхание, когда муж называет ее «малыш». Просто ничего поделать с собой не может, и все.

– Ну что вам сказать, товарищ майор, – подыграла мужу Юлька, – все отлично, только вас рядом нет, впрочем, как всегда, но к этому мы уже постепенно начинаем привыкать. – Любовь любовью, но мужчина не должен расслабляться, пусть лучше будет в тонусе.

– Родная моя, все будет замечательно, ты только представь себе, у нас с тобой уже завтра будет целая куча времени. Мы с тобой настоящие богачи. Представляешь, у нас впереди половина субботы и целое воскресенье. Так что поводов для грусти не вижу. Пеки пироги да созывай гостей. А хочешь, пристроим ребят на вечерок и в кино сбегает или на танцы? Или лучше устроим романтический ужин на двоих, договорились?

– Ох, Савельев, неугомонный ты мой. Какие танцы? Мы уже с тобой взрослые совсем. Если только народ посмешить. И вообще постарайся определиться со своими желаниями. Наговорил семь верст до небес, и ничего конкретного. А что мне, бедной девушке, делать? – От простого разговора с мужем Юльке становилось легче на душе. Ну и чего она расхныкалась? Подумаешь, королева. Трудно, что ли, эти дурацкие носки заштопать? Нашла причину для страданий, да еще на ночь глядя.

Поболтав еще несколько минут и пожелав любимому легкого дежурства и скорейшего возвращения домой, Юлька отправилась спать.

Ночь принесла бессонницу. Легко сказать: «Надо что-то делать», а что конкретно? Кого-нибудь убить? Ограбить банк? Да, очень здорово, как в современных американских боевиках. Уехать под мамино крылышко в Москву?

Варианты, по мере их рассмотрения, отпадали сами собой. Во-первых, для того чтобы кого-то убить, надо бы для начала хотя бы выбрать подходящую кандидатуру.

Почему-то поблизости с Юлькой, как назло, не крутились «богатенькие Буратино» с мешками денег, выставленными на всеобщее обозрение. Они просто не наблюдались как класс в обозримом пространстве. А даже если бы и наблюдались, то при вечном жизненном «везении» в киллеры подаваться – совершенно напрасная трата времени, если только людей малость посмешить... И техническое обеспечение данной операции далеко не такое простое дело. Да и кишка у нее тонковата для таких подвигов.

Банки и богатые офисы? Они тоже располагались где-то в запредельном «далеко», по крайней мере, уж точно не в гарнизонной жизни...

Бросить эту доморощенную гарнизонную романтику, сгрести детей в охапку и укатить к маме в Москву? Конечно, никто не осудит, даже сочувствующие найдутся, но это невозможно в принципе. Смешнее, чем податься в гангстеры.

Столько лет бороться за свою независимость, суметь вырваться из-под тотальной родительской опеки, и вдруг снова-здорово: «Здравствуй, мама! Мы будем у тебя жить». И до конца своих дней слушать стоны и нравоучения из серии «я же тебя предупреждала» и «я же тебе говорила». Нет, уж лучше в киллеры, дешевле обойдется.

Юлькина мама с самого начала была категорически против ее замужества. Привычно отбрасывая со лба надоедливую прядку, она при любом удобном случае заводила разговор на одну и ту же тему.

В принципе она лично ничего не имела против Савельева, как жених он устраивал ее по всем параметрам. Мешало единственное но, которое перевешивало остальные аргументы и одним махом перечеркивало достоинства и душевные качества кандидата в мужа для единственной дочери.

Мама категорически отказывалась понимать, как в наше время нормальный, вполне вменяемый и достаточно образованный человек способен добровольно выбрать такую странную судьбу и поменять столичное житье на существование в захолустье, пусть и с любимым мужем.

– Юлечка, деточка, – при каждом более-менее удобном случае Правда Степановна пыталась образумить глупую дочь, – ну кто выходит замуж в наше время за военных? Солнце мое, время декабристок давно миновало и благополучно кануло в Лету. Ты вообще представляешь себе жизнь в каком-нибудь отдаленном захудалом военном городке? Без воды, света, тепла, вдали от цивилизации? Все время одни и те же лица вокруг, мелкие интриги и крупные сплетни. Это же просто кошмар.

– Мама, ты же знаешь, я Мишу люблю и поеду с ним и в захудалый, и в самый отдаленный гарнизон, – неизменно отвечала Юлька. Маму можно было понять и пожалеть, но дочь имела твердые убеждения на этот счет. И сдаваться не собиралась.

– Да-да, как мне кажется, там особенно пригодится твое образование. Искусствоведы, как я понимаю, особенно нужны в российской глубинке. Может быть, если очень повезет и тебе не перебежит дорогу жена командира повыше званием, ты сможешь устроиться на работу в клуб офицеров на должность массовика-затейника. А что? Очень даже в духе сегодняшнего времени. Будешь народные массы веселить, а заодно и образовывать, – язвительно парировала мать.

– Мамочка, милая, не мучай себя. Ты же знаешь, что я не изменю своего решения, – пыталась отбиваться Юлька, – и потом, какое имеет значение, где живет человек, главное – как. Да у нас миллион родственников и знакомых, которые годами не выезжают из своего района, а лучший их друг и товарищ – телевизор. Многие из наших общих знакомых регулярно ходят по театрам, музеям и филармониям? Смешно, а живут, между прочим, в Москве. Так что место жительства – это еще не определение, и уж тем более не приговор. В любом месте можно жить ярко и полноценно, от человека все зависит, а не от территории.

– Ты, дорогая, еще расскажи о бредовой идее, что Россия начнет свое интеллектуальное возрождение из глубинки, – не сдавалась Ираида Степановна. – Я тебя, дочь моя, не понимаю ни как женщина, ни как обыватель. Ты хоронишь себя, свое будущее и безжалостно прибавляешь к этому скорбному списку загубленных идей все мои мечты о собственной спокойной жизни на старости лет. И я хочу, в конце концов, водить своих внуков в театры! – Ираида Степановна красиво (как любимая актриса Элина Быстрицкая) прижимала ладони к вискам. Заметим, что все эти разговоры велись еще в ту пору, когда внуков и в проекте не было.

– Мамчик, во-первых, внуков еще не предвидится, а во-вторых, кто тебе мешает это делать, когда они появятся и будут исправно приезжать к тебе в гости на все лето? – пыталась убедить маму в своей правоте непослушная дочь.

– Мы разговариваем на абсолютно разных языках. Я не узнаю свое дитя. И вообще, я считаю, если тебе еще, конечно, интересно знать мое мнение, что профессорской дочке не место в военном гарнизоне.

Как правило, эти слова всегда оказывались последней точкой в споре между матерью и дочерью. К слову сказать, Юлькин папа никогда не был профессором. Замечательный и веселый человек, обожавший жену и дочь, он, к сожалению, очень рано ушел из жизни.

Конечно, в каком-то смысле он служил науке в должности старшего научного сотрудника в обыкновенном советском НИИ, как и миллионы тогдашних интеллигентов. Особенной карьеры он не сделал, сумел за всю жизнь занять место начальника отдела и заработать инфаркт.

Однако за пятнадцать лет вдовства Ираида Степановна сумела создать легенду о необыкновенно талантливом ученом-профессоре, истово поверила в нее сама и пыталась всех окружающих в этом убедить. Из родных и знакомых редко кто сопротивлялся, все подобрались люди любящие и тактичные, незнакомые тоже реагировали правильно. Мама была счастлива в такие моменты. Юлька тоже не противилась. Любя и остро жалея самого близкого на свете человека, она не испытывала ни малейшего желания восстановить историческую справедливость.

Все эти разговоры как начались еще до свадьбы, так и не смолкают вот уже восемь лет, ровно столько, сколько Юлька замужем. Уже родились сыновья, многое изменилось в этой жизни, не меняется только позиция Ираиды Степановны.

Переубедить маму совершенно невозможно, а подтвердить свою несостоятельность, явиться пред ее светлые очи и признать себя побежденной, уж извините, не в нашем характере, да и куда она без Мишки. Без Мишки она жить не сможет ни в Москве, ни в Париже, нигде. А он не может жить без своих самолетов. Вот и получается замкнутый круг.

Поворочавшись с боку на бок, так и ничего не придумав, Юлька тяжело вздохнула, закрыла глаза и скомандовала себе: «Все, Юлечка, спи, любимая, утро вечера мудренее».

Юлька очень хорошо относилась к родным пословицам, считала, что именно они отражают мудрость многих поколений и имеют право на жизнь совсем не зря. Вот если бы еще уметь правильно использовать опыт чужих ошибок и пореже наступать на те же грабли! Но Юльке, как, впрочем, основной части человечества, чаще всего приходилось идти своей дорожкой и учиться на собственных ошибках, по пути набивая шишки и синяки.

Глава 2

Субботним утром, проводив мальчишек в школу, Юлька отправилась навестить приятельницу.

Алена Бандура слыла в гарнизоне личностью неординарной и довольно одиозной. Кто-то ей страшно завидовал, кто-то терпеть не мог, но равнодушных, когда дело касалось ее персоны, не было. Мужчины готовы были проявлять знаки внимания по отношению к ней каждые пять минут, слабая половина местного населения пыталась найти хоть какие-нибудь изъяны и старалась уколоть при каждом подходящем случае.

Родилась Алена в прекрасном приморском портовом городе, росла единственной, долгожданной и любимой доченькой-отрадой в семье. Мама у нее была женщина конкретная, деловая, очень энергичная, настоящий, еще советского разлива торгош-товаровед, у которой был «схвачен» весь город. Папа, очень спокойный и уравновешенный человек, работал всю жизнь главным механиком большого торгового судна. Папа регулярно ходил на своем лайнере в Японию и Корею, что очень способствовало процветанию семьи, у мамы тоже в этом плане все было в порядке – хваткой она отличалась железной, умела заводить нужные связи, знакомства и правильно ими пользоваться.

Девочка росла как у Христа за пазухой с самого рождения, получая все и вся по первому требованию. В родительском лексиконе отсутствовали понятия «нельзя» и «нет денег». Ребенок к тому же был, что немаловажно, всегда первым среди сверстников. Единственным недостатком воспитания было то, что девочка росла очень рациональным человечком, отвергая на корню любые романтические глупости.

Но родители, сами далеко не романтики по натуре, не считали это какой-то особо важной проблемой или пробелом в воспитании.

Алена уже чуть ли не с первого класса умела ставить перед собой четкую задачу и всегда прилагала максимум усилий для ее осуществления. Благодаря этому качеству она прекрасно училась в школе, была любимицей учителей, без всяких затруднений поступила в институт.

Получив прекрасное образование, Алена ни одного дня не работала по профессии. Работу на благо родины в государственных учреждениях она считала абсолютно напрасной тратой времени и сил, но никогда не сидела сложа руки, предпочитая в основном трудиться исключительно на себя.

Еще в далекой розовой юности, сразу после окончания учебы, девушка определила для себя очередную цель – стать женой летчика, почему именно летчика, история умалчивает, но главное не в этом. Главное в том, как политически грамотно была поставлена, а затем блестяще решена и эта задача. Естественно, завершилась операция абсолютной и стремительной Аленой победой. Не помешала ни первая бурная любовь, ни случайный плод этой страсти – чудная трехлетняя голубоглазая дочурка.

Для осуществления плана понадобилось восемь суббот и ровно восемь поездок на танцы в клуб офицеров летного гарнизона. В результате лучший летчик, красавец лейтенант и просто отличный парень – тайная и заветная мечта многих юных и не очень див Юра Бандура – отнес Аленушку на своих сильных руках прямо в ЗАГС. Правда, после бракосочетания он узнал про ребеночка, но уже ничто не могло омрачить счастья молодых. К слову сказать, продолжает носить свою любимую жену на руках и по сию пору.

Алена кроме железного характера и редкой для женщины целеустремленности обладала броской внешностью на зависть всем гарнизонным кумушкам и на радость мужской половине военного городка.

Рыжая ухоженная грива непокорных выющихся волос, огромные светло-зеленые глаза, правильные и некрупные черты лица, красивая хрупкая фигура. К тому же одевалась она все-

гда по последней моде и при любых обстоятельствах выглядела на пять с плюсом. Для нее совершенно не важно, куда она в данный момент собралась – в соседнюю булочную или на званый ужин, – главное быть первой, блистать, затмить, обратить на себя всеобщее внимание.

Алена, что называется, всегда умудряется держать нос по ветру, знает, с кем дружить, умеет завязывать и поддерживать нужные связи и никогда не обращает внимания на глупые сплетни и пересуды завистников.

Она начала ездить в Китай и торговать на рынке шмотками задолго до того, как в лексиконе появилось слово «челночник», а подобная деятельность строго осуждалась не только на партсобраниях, но и в бурных дискуссиях завсегдатаев подъездных лавочек.

Называлась она простым, понятным для каждого советского человека ругательным словом «спекуляция». Занимаясь далеко не самым престижным в мире промыслом, она умудрялась сохранять в своей деятельности тем не менее некий флер изящной интеллигентности, язык не поворачивался назвать ее торгашом. Нужно было видеть ее за прилавком. Простое и не очень престижное занятие больше походило на выступление великой артистки, любимицы публики, от которой невозможно было глаз отвести.

К Алене трудно было прилепить ярлык, она всегда парила над толпой, оставаясь при любых обстоятельствах предельно независимой, отлично знающей себе цену, и при каждом удобном случае не забывала об этом ненавязчиво напомнить.

Юльку с Аленой связывали легкие приятельские отношения, совместные кофепития – обе отчаянные кофеманки, и ни к чему не обязывающий поверхностный треп обо всем и ни о чем.

Юлька по своей природе человек достаточно независимый и доброжелательный, чувство зависти ей не присуще в принципе. Она, конечно, не слепая и прекрасно понимала, что Алена – человек расчетливый и прагматичный, но в силу своего характера умудрялась найти этому массу оправданий и относилась к приятельнице с большой теплотой.

Алена, в свою очередь, четко понимала и не забывала, что Юлька – москвичка, а все пути, как известно, в нашей необъятной стране идут через Москву. Конечно, трудно заранее предвидеть, как может сложиться жизненная ситуация. А вдруг да и понадобится перекачаться в столице нашей родины несколько дней и ночей на халаву, и по этой веской причине отношения на всякий случай с Савельевой поддерживала.

Алена встретила Юльку очень приветливо. В кокетливом шелковом халатике-мини, в полном боевом раскрасе (это в десять-то часов утра!), с идеальной прической. Усадила подругу на маленькой кухоньке и принялась варить кофе. К слову сказать, дом у Алены очень уютный и комфортный. Хозяйка она замечательная. И потом, в силу характера, ее квартира, как и она сама, должна быть одной из лучших.

– Нет, подруга, ты чувствуешь, какой аромат? – обернулась она к Юльке. – Господи, да что с тобой? На тебе прямо лица нет. А ну, давай колись, что случилось?

– Да в принципе ничего страшного не случилось, – пожала плечами Юлька, – все как обычно.

– Угу, поэтому ты так хорошо и выглядишь, – констатировала Алена.

– Да надоело все, честно говоря. Денег нет, продукты достать можно только с боем. Моешь посуду после обеда и думаешь только об одном – чем накормить своих вечером. А тут еще, слышала, наверное, с работы увольняют. – Юлька в сердцах даже пристукнула по столу кулачком.

– Ах-ах-ах, какое горе! – притворно ужаснулась Алена, разливая ароматный напиток из медной турки по тонким фарфоровым чашечкам. – Что-то я не вижу особых проблем. Подумаешь, увольняют. А ты посмотри на это с другой стороны. Во-первых, не надо вставать ни свет ни заря и тащиться в любую погоду и при любом самочувствии на эту совершенно дурацкую, никому не нужную и, замечу, малооплачиваемую работу. Во-вторых, не надо разрываться

между домом и служебными обязанностями. А в-третьих, и замечу, это самое главное! Ты не будешь каждый день видеть кислые морды своих замечательных сослуживцев, и начальника в особенности.

Алена устроилась напротив Юли и продолжила свой монолог:

– Ты никогда не думала о том, сколько и зачем можно растрачивать свои силы на начальника-самодура? Так ведь можно истрепать свои нежные нервы и потерять всю свою красоту неземную. Нет, ты дурочка, я всегда об этом догадывалась, но сейчас поняла это окончательно. Судьба дает тебе шикарный шанс, а ты вся в растрепанных чувствах! Радоваться надо, а ты устроила тут день всемирной скорби. Ненормальная, честное слово, ненормальная!

Юлька в душе понимала, что Алена отчасти права. Работа у нее была, как говорится, так себе. Во-первых, до штаба, где она трудилась в строевом отделе писарем, приходилось топать в любую погоду почти три километра. Зимой, когда завывает ветер и столбик термометра падает до минус тридцати градусов, это крайне сомнительное удовольствие.

Нагрузка колоссальная. Хлопот полон рот, а отдача нулевая. Ежедневно приходится отрабатывать море документов. Приказы, выписки, командировочные, отпускные билеты, проездные, вздохнуть некогда. Нудная, нескончаемая рутина. Иногда выпадают такие дни, что некогда чаю выпить.

А уж с начальником и вправду крупно «повезло». Маленького роста, невзрачный человек, который не обладал ни особыми знаниями, ни заслугами, оказался еще и душевным инвалидом. Зато активно и неустанно компенсировал свою ущербность пакостными поступками по отношению к другим; его иезуитской изобретательности с лихвой хватило бы на нескольких подлецов.

Здесь он был всегда на коне! Каждый раз, получая совершенно незаслуженные упреки в свой адрес, Юлька представляла его жену – здоровую вздорную и крикливую бабищу, известную на весь городок своей беспардонностью и склочностью. С ней даже продавщицы, народ, как известно, ушлый, предпочитали не связываться. Это был ее тайный аутотренинг, который помогал сдерживать эмоции и держать себя в руках.

Мстительная мысль о том, как достается этому замухрышке дома, как его всю жизнь гоняют с тумбы на тумбу, помогала сохранять хладнокровие, вызывала ироничную улыбку. Хотя Юля прекрасно понимала, что выражение ироничной независимости только раздражает этого засранца и что ей достанется в десять раз больше, но ничего поделать с собой не могла.

Вот так и работала. А что делать? В любом военном городке работа – настоящий дефицит. До города от гарнизона далеко, часа два на автобусе в один конец, особо не наездишься, а здесь можно в обеденный перерыв прибежать домой, накормить и проконтролировать мальчишек. Приходилось терпеть.

– Да, а жить как? – всхлипнула Юлька. – У меня папы-миллионера нет, только мама-пенсионерка, да и та далеко, и ко всему еще и муж офицер. Обхохотаться можно!

– Знаешь, что я тебе на это скажу, – вкусно затягиваясь сигареткой, очень спокойно произнесла Алена, – есть очень хорошая современная присказка. А звучит она так: «Жила-была девочка, сама виновата», не слыхала еще? А лично мне очень нравится. Эти тинейджерские прибауточки иногда бьют не в бровь, а точно в глаз. Что толку стонать и рвать на себе волосы? Думаешь, поможет? Не уверена. Бросай все к чертовой матери, да поскорей, оформляй заграничный паспорт, находи деньги, так и быть, возьму тебя за ручку и свожу в Китай. Мы же когда-то здорово помогли братьям-китайцам, теперь их очередь протянуть нам руку международной помощи. Кстати, хочу тебе напомнить, что у меня муж тоже офицер, не забыла?

– В Китай? – неуверенно протянула Юлька. Она как-то не задумывалась над подобной перспективой, хотя уже многие знакомые съездили за кордон не раз, и никто не жаловался, наоборот.

– А что ты думала, несчастная моя! – не на шутку разозлилась Алена. – А то могу предложить еще очень хороший способ решить все твои проблемы разом. Выйди на центральную гарнизонную площадь, выбери позу поудобнее, воздешь ладошки к небу и попроси счастья, – говорят, некоторым помогает. Только не забудь ручонки-то вовремя подставить, когда фортуна поперет.

– Ладно, не ворчи, Алень, а дети? – Юлька еще не согласилась, но начала мысленно перерабатывать выдвинутое Аленой довольно неожиданное предложение.

– Дети – это святое! Никто не спорит. Но ведь безвыходных ситуаций не бывает. Они, милая моя, уже подросли и мамкину сиську не просят. Не в лесу живем, вокруг миллион подруг и знакомых. Ирину Лебедеву можно позвать помочь. Она свою детвору к матери отвезла, теперь мается без дела. Я ее вчера встретила, извелась вся, бедолага. Ей за счастье будет три дня повозиться с твоими непоседами. Да и папе не грех вспомнить, что кроме самолетов в этой жизни есть кое-что и поважнее. Дети, например.

Видя, что Юлька продолжает сомневаться и находится совершенно в растрепанных чувствах, Алена продолжила с жаром:

– Нет, я тебя не понимаю. Ну что с ними может случиться за каких-то три дня? Поскучают немного, так потом любить будут изо всех сил. Короче, подруга, времени на раздумья я тебе не даю. Собирайся, так и быть, потрачу на тебя денек, завтра едем во Владивосток оформлять загранпаспорт, учти, с тебя деньги на бензин.

В железной хватке, замешенной на умении из любой ситуации извлекать определенную выгоду для себя, Алене не было равных.

Совсем недавно Бандура получила водительские права, чем ужасно гордилась. Новенькая «японка», привезенная папой из очередного заграничного рейса, уже была пригнана в гарнизон и подарена дочери на очередной день рождения.

Алена никогда не лишала себя удовольствия лишний раз поразить воображение местных граждан, устраивая из любой, самой обыкновенной поездки небольшой спектакль одного актера.

Нужно было видеть картину, когда Алена небрежно открывала дверь отливающей перламутром иномарки и с лихой небрежностью, смешанной с элегантностью, помещала свое легкое тело на водительское сиденье.

Последней в салон автомобиля попадала ножка, а если быть точнее, то туфелька, непременно на высоченном каблуке, которая жила и действовала как бы независимо от тела. Туфелька исчезала из поля зрения наблюдающих за процессом медленно и постепенно, притягивая всеобщие завороченные взгляды. Это был просто пилотаж высшего класса.

Затем на благородную переносицу неторопливо, с чувством собственного достоинства, водружались фирменные очки с тонированными стеклами. Следующим этапом действия являлся внимательно-торжествующий взгляд, четко фиксирующий количество зрителей. И только убедившись, что желаемый эффект достигнут и наблюдающие находятся в состоянии близком к полубморочному, Алена, с чувством исполненного долга и глубокого удовлетворения, нажимала на педаль газа.

Когда Юльке пришлось совершенно случайно впервые увидеть этот цирк, то хорошее настроение не покидало ее весь день.

– Нет, – улыбалась она, вспоминая Алену, – какая актриса пропадает в далеком захолустье! Не тому учили девку, явно не тому, надо было в ГИТИС поступать – цены бы ей не было. Самородок, настоящий талант.

Четыре недели пролетели практически незаметно, растворившись в чехарде сборов, оформления документов, поиска денег на поездку и долгих, подчас изматывающих разговоров

с мужем, который совершенно не верил в эту затею, называл ее дальневосточной аферой и подтрунивал над Юлькой изо всех сил.

– Солнце, ты сошла с ума. Ну какой из тебя торгаш? Посмотри на себя в зеркало. У вас что, в университете отдельным курсом преподавали экономику и бухучет? Ты же правильно сдачу сосчитать не можешь. А эти неподъемные сумки с товаром? Ты хоть представляешь, во что ввязываешься? – пытался образумить жену Савельев.

– Ну, у Алены же получается, – отважно возражала Юлька.

– Сравнила! Да у нее в голове арифмометр с самого рождения заложен! Она шагу не сделает, если это невыгодно или неперспективно. Она считает, как дышит. А у тебя же на лбу написано: «Я всех люблю, всем верю». Пойми, чтобы торговлей заниматься, талант надо иметь. В крови это должно быть, на подкорковом уровне. И то у людей иногда ничего не получается. А тебя в подобную сферу и допускать нельзя, ты просто само понятие дискредитируешь, – не оставлял попыток вернуть жену на землю Михаил.

– Ты просто в меня не веришь. А помнишь, как моя мама не верила, что из меня выйдет «путная» жена? А ведь получилось, все получилось, разве нет? – пускала Юлька в ход тяжелую артиллерию.

– Так, запрещенные приемчики в ход пошли? – сгребая Юльку в охапку и зарываясь носом в ее волосы, вопил Савельев. – Попрошу меня с любимой тещей не сравнивать! Не люблю ударов ниже пояса.

– Миш, – пытаюсь вырваться из железных объятий, пищала Юлька, – давай поговорим серьезно.

– Когда я тебя обнимаю, я не могу серьезно, – возражал тот. – А если серьезно, съездить-то в Китай не проблема, всегда пожалуйста. Давай рассмотрим другую сторону вопроса. Как бы правильно выразиться, морально-этическую, что ли. Привезла ты товар, замечательно, но это только первый шаг. Ты не забывай, что вещи продать нужно. А ты представляешь себя за рыночным прилавком?

– И ничего особенного. У нас уже полгарнизона за этим самым прилавком, и все прекрасно себя чувствуют, между прочим. Время сейчас другое. Я же не воровать собираюсь, а честно зарабатывать на хлеб насущный. Согласна, не самая престижная профессия на свете, но как временное явление выдержать можно. А потом, как я узнаю, что это плохо, если не попробую это сделать? И о какой морали вы тут говорите? А не аморально зарплату по три месяца не платить людям, которые посвятили себя службе и пропадают на ней днем и ночью? – Юлька находила все новые аргументы, чтобы убедить не столько мужа, сколько себя в правильности выбранного решения.

Тяжело бороться с женщиной, когда она умудрилась вбить себе в голову какую-то блажь, но Савельев долго не сдавался:

– Ты не митингуй, ты меня выслушай до конца. Вот ты стоишь, разложила китайское барахло, а к тебе начинают подходить наши общие знакомые, сослуживцы. Ты готова к такому повороту? Да ты же изведешься вся, торгаш мой любимый. Или раздашь все даром. Коммерсантка, куда тебя понесло, не понимаю. Неужели надо поступать как все? Нельзя по-своему?

Ну, увольняют, подумаешь, передохнешь хоть чуточку, п мальчишки будут под контролем. Проживем. Зимой поедem в отпуск домой, в Москву, летом рванем на океан. Может, подумаешь все-таки?

Такие споры продолжались долго, пока Савельев в конце концов не сдался. Правда, чего он так переживает из-за этой поездки? Хочется – пусть съездит. Столкнется с трудностями и забудет про карьеру рыночного торговца. Стоит из-за этого копыя ломать. Только вот сил Юлькиных очень жалко. Какой из нее носильщик? Живого веса пятьдесят четыре килограмма. А там придется тягать эти чертовы баулы. Митингует, губы дует дуреха, не хочет понять, что он не из-за себя переживает, а за ее здоровье волнуется.

– Ладно, малыш, поезжай. Только уговор – потом не страдать и не ныть. И не жаловаться, понял, заяц? Жалобы не принимаются ни в каком виде и ни при каких условиях.

Глава 3

Наконец, все хлопоты, связанные с предстоящим отъездом, остались позади. Муж сдался, Иришка охотно согласилась посмотреть за детворой, заграничный паспорт, благодаря Аленкиным связям, получен в рекордные сроки, деньги по добрым людям собраны – целая тысяча долларов. Богатство невиданное.

И вот уже туристический «икарус», набитый под завязку челноками, бодренько катит по старому приморскому шоссе к замечательному русскому городку с незамысловатым названием Пограничный, увозя Юльку в новую и пока еще не очень понятную для нее жизнь.

От Пограничного всего четыре часа на поезде – и ты в Китае, здорово!

Юлька пребывала в чудесном расположении духа. Все так замечательно уладилось: Ирина согласилась посмотреть за мальчишками легко, без особых уговоров, деньги тоже удалось собрать достаточно просто, мир, а точнее гарнизон, оказался не без добрых людей.

Сыновья, правда, поначалу изъявили активное желание поехать вместе с мамой, но папа им все очень хорошо объяснил и составил план действий настоящих мужчин в мамино отсутствие, куда вошли и рыбалка, и походы к папе на работу, и даже поездка в цирк. Так что и здесь не было особых проблем. Цирк, естественно, был важнее для братьев, чем какой-то там Китай. Что они, китайцев не видели, что ли? Да их в городе больше, чем русских.

Автобус весело урчал. Погода была великолепная, настроение просто отличное, а впереди – новые горизонты. Незнакомая страна, новые впечатления, свобода на целых три дня, да плюс ко всему, если все задуманное получится (а чем она, собственно, хуже всех остальных? Конечно, получится!), можно будет немножечко встать на ноги и не думать каждые пять секунд о хлебе насущном.

Народ в автобусе вовсю гулял и веселился. Пассажиры находились в приподнятом настроении, люд подобрался ушлый, кто-то уже успел пропустить по стопочке, анекдоты и истории прошлых посещений Поднебесной сыпались как из рога изобилия со всех сторон.

– А помнишь, как мы ездили в минувшем году? Ну, Ваську-то помнишь? – толкал мужичок средних лет сидящего рядом приятеля. – Граждане челночники, – громко обращаясь ко всем пассажирам, продолжил он, – послушайте жутко поучительную историю о том, как не надо вести себя в чужой стране.

Решил наш общий знакомый Вася поправить свое материальное положение, быстренько собрался и рванул в Китай.

Работал два дня как вол, закупил товар, никаких излишеств себе не позволял. Управился, упаковался, а впереди до отъезда целый свободный вечер и ночь. Ну и решил наш Вася по русскому обычаю, испытывая глубокое моральное удовлетворение от проделанной работы, это дело обмыть. Кто против, как говорится, святое! – Рассказчик отхлебнул приличный глоток из фляжки и продолжил свой рассказ. – А кто бывал в Китае, тот знает, что местному гостеприимству не видать ни конца ни края, вернее, пока у клиента деньги не кончатся. Наобмывался и наразвлекался Вася до абсолютно бесчувственного состояния.

Утром группе пора уезжать, все собрались в гостиничном холле, а нашего Васи-то и нет, пропал, бесследно испарился. Скандал и полный отпад с истерикой. Стали искать, а куда бежать? В номере нет, в гостинице тоже. Все вроде вчера его видели, но восстановить логическую цепь событий не удастся. Остальные-то ребята тоже не промах, не книжки читали накануне, а очень даже наоборот. А с похмелья, как известно, думается не очень хорошо. Сопровождающий орет, а толку никакого.

Делать нечего, приехали на вокзал, сидим, горюем – профукали Васю. Ломаем головы, как будем объясняться с его родственниками и разными инстанциями. Настроение у всех паршивое и угнетенное. До поезда остается два часа, а о Васе ни слуху ни духу.

И вдруг картина маслом! Ведут нашего дорогого, абсолютно невменяемого Васю двое китайских полицейских. Да как ведут! С двух сторон нежно подхватив под ручки, скорее несут, чем ведут. Но фишка даже не в этом. К Васиным запястьям наручниками сумки со всем его барахлом пристегнуты, чтобы местные расторопные урки ничего не сперли. Погрузили Васю стражи порядка в поезд, баульчики рядом аккуратненько пристроили и отчалили восвояси.

Народ как начал ржать еще до посадки в поезд, так и веселился до нашей границы. А Вася спокойненько, как младенец, без всяких угрызений совести сладко проспал до самого Пограничного. Проснулся радостный такой, глаза трет, естественно, ничего не помнит, а главное, никак не может сообразить, что это народ над ним ухохатывается... Вот такие дела.

– Это еще что! – подхватил следующий рассказчик. – Вот в нашей группе попался один раз мужик, не мужик, а просто песня военных лет.

Тоже посидел в ресторане в последний вечер по полной программе, а где-то часам к трем ночи подустал и пошел ночевать. Да по пьянке умудрился забрести не в свою гостиницу. Тырк в номер – дверь не открывается. Он давай бушевать, в дверь ломиться и орать нечеловеческим голосом.

Девки, тоже наши, русские, что в номере спокойно спали, проснулись, перепугались до смерти. Еще бы не испугаться – из-за двери звериный рев вперемешку с родным русским матом. Что делать? Девчонки давай занимать оборону, всю мебель, что смогли сдвинуть, у двери со своей стороны нагромодили, баррикаду соорудили, а сами еле дышат от страха.

А этот талантливый «руссо туристо» собрал весь гостиничный персонал и давай его гонять с истинно русским энтузиазмом. Как это его, такого замечательного, в собственный номер не пускают. Самое прикольное, они по-русски ни бум-бум, а он по-китайски знает одно только слово «куня». Так он обслугу гонял из угла в угол чуть не до самого утра, знай наших! Он им все вспомнил: и Мао Цзедуна, и культурную революцию, и Даманский. Очень политически подкованный попался гражданин, Родину не опозорил. Так и бузил, пока китайцы не догадались, что он перепутал гостиницу. До утра его водили по всему городу. Запомнили, наверное, его на всю жизнь. Он же не давался, все время вырывался из заботливых рук и орал как умалишенный.

– А слово «куня» что означает? – поинтересовалась Юлька у веселого рассказчика.

– Да баб их так называют, и в гостинице все так консьержек кличут. Первый раз едешь, красавица? – спросил весельчак.

– Первый.

Юльке было очень интересно, она с удовольствием слушала незамысловатые дорожные байки, ей нравилась атмосфера легкости, царившая в салоне автобуса. Создавалось ощущение, что люди едут не на тяжелую работу, а на пикник, оставив все заботы дома.

Алена, в отличие от приятельницы, не принимала никакого участия в общем разговоре, а уж тем более в веселье. Всем своим отстраненным видом она явно давала понять окружающим, что происходящее вокруг ее совершенно не интересует.

Глядя на нее, можно было подумать, что хрупкая зеленоглазая красотка оказалась в этом автобусе, а уж тем более в этой компании совершенно случайно и уж точно ненадолго, просто так сложились обстоятельства.

– Девчонки, что грустим? – раздался за спинами подруг приятный баритон. – Давайте лучше познакомимся, дорога дальняя, вместе веселее. Коньячку не желаете?

– Мужчина, – не поворачивая головы, презрительно процедила сквозь зубы Алена, – сообщая, что мы обычно по утрам пьем кофе, а не крепкие спиртные напитки.

– Не вопрос, – развеселился баритон, – такие интересные дамы и такое простое желание. Это мы мигом. Алле гоп! Кофе в студию! – с пафосом в голосе произнес он, явно подражая известному телеведущему.

Тут уж подругам, заинтригованным таким напором баритона, пришлось волей-неволей обернуться к соседу. Впечатление новый знакомый произвел, надо сказать, на обеих самое благоприятное. Обладателю приятного баритона было на первый взгляд лет тридцать – тридцать пять. Открытое, располагающее к себе умное лицо, темные глаза с хитринкой, отличная стрижка – в общем, в сочетании с наличием бархатного голоса, мужчина очень интересный и приятный во всех отношениях.

А три пластиковых стаканчика с аппетитно дымящимся черным кофе, который незнакомец налил из термоса и установил на книжку, как на поднос, сломили сопротивление подруг окончательно и бесповоротно.

Отказаться от любимого напитка не было никаких дамских сил, да и кому в такой обстановке нужны дворцовые церемонии. Вежливо поблагодарив мужчину, приятельницы с огромным удовольствием принялись потягивать любимый напиток.

– Меня Константин зовут, – не сдавался автобусный рыцарь, – а вас как?

Тут уж жеманиться было просто глупо, и девчонки представились, назвав по очереди свои имена.

– Замечательно, – непонятно чему обрадовался новый знакомый и улыбнулся так радостно и счастливо, как будто услышал что-то сверхъестественное и очень приятное. – Девочки, есть предложение: давайте держаться вместе, ездить я опытный, со стажем, всегда готов помочь добрым советом, а понадобится – могу и сумочку поднести, да и на таможне у меня кое-какие связи имеются.

Последний аргумент очень заинтересовал практичную Алену. Кому в своей жизни приходилось так или иначе сталкиваться с доблестными русскими таможенниками, тому всегда найдется что вспомнить. И вряд ли подобные воспоминания окажутся приятными и уж тем более радостными.

Можно просто элементарно не приглядеться стражу границы, и тут уж держись – унижениям не будет конца: так распотрошат и вывернут все вещи до последних мелочей наизнанку, что к концу процесса уже невольно начинаешь чувствовать себя если не шпионом, то государственным преступником как минимум. В результате полдня придется собирать и раскладывать вывернутое барахло, испытывая свое полное бессилие и жуткое унижение.

Юльке тоже не раз приходилось в своей жизни сталкиваться с подобными проблемами, когда Миша проходил службу в ГДР. За пять лет службы их семье не раз приходилось пересекать границу.

Возвращались они из последнего отпуска, все было чудесно, пока в Бресте на обычный вопрос таможенника, имеются ли у них незадекларированные валюта и золото, Пашка хвастливо не сообщил бдительному таможеннику, что они везут с собой целый мешок золотых камней.

На самом деле так в семье шутливо называли обыкновенную речную гальку, которую детвора наперегонки собирала в отпуске для домашнего аквариума. Из незамысловатого занятия мальчишки устроили целое соревнование – кто найдет камешек красивее. Что довелось пережить и каким образом пришлось объясняться с людьми, абсолютно лишенными чувства юмора, лучше не вспоминать.

– Юля, Алена, а давайте я угадаю, кто вы и откуда, – предложил спутник.

– Нет, вы лучше о себе расскажите, с нами все очень просто и ясно. Мы обе замужем, счастливы в браке, между прочим. А живем в Перегудовке, слышали о такой? – поддержала разговор Юля.

Перегудовка была известна на весь Дальний Восток. В ней располагался лучший в крае военный аэродром, способный принимать самолеты любого класса, и для местного люда никогда не было страшной военной тайной, что именно там базировался летный гарнизон.

– А-а-а-а, офицерские жены, понятно, – улыбнулся Константин, – а я ведь, девчонки, тоже офицер, правда, теперь уже бывший.

– Что так? – поинтересовалась Юлька, стараясь поддержать беседу. Костя ей очень понравился, да и почему не поболтать с хорошим человеком. Элементарная вежливость. Чего нос задирать, когда человек так старается.

– Все очень просто, проще пареной репы. В училище поступил по собственному желанию, с молодых ногтей мечтал о военной карьере. После учебы попал сразу сюда, на Дальний Восток. Служу исправно год, другой. Прошло почти пять лет. И в один прекрасный момент понимаю, что подустал я от тягот и лишений военной службы. Я, конечно, далеко не аристократ, вырос не в замке, и гувернантки у меня не было. Но сколько же можно жить в таких скотских условиях, когда сам себя перестаешь уважать? Жилья нет, даже разваленные общаги забиты семейными, девушку привести некуда. Да что там девушку? Об элементарной гигиене стал забывать. Баня раз в неделю, и то не всегда. Сами знаете, какие у нас в крае проблемы с водой. Командиры один веселее другого, как на подбор. Грязь и пьянка беспробудная. Посмотрел я на это все, помучился с личным составом, помыкался, а тут еще и платить перестали!

Константин задумчиво посмотрел в автобусное окно и продолжил свой рассказ:

– Как-то одним прекрасным утром призадумался я о своей странной жизни и загоревал. Молодой, здоровый мужик, а на выходе-то ноль без палочки. Чего я смог добиться за эти годы? Итог неутешительный: семь почетных грамот и капитанские погоны. И понял, что не хочу служить больше в такой армии, чтобы на старости лет остаться с голой задницей и язвой желудка в придачу. Написал рапорт, уволился и стал строить свою жизнь сам, а не по приказу. И замечу, на сегодняшний день прекрасно себя чувствую. Единственное, что осталось из той жизни, так это кличка. Иногда близкие знакомые называют меня Капитаном, – усмехнулся Константин.

– Ездить в Китай за барахлом и торговать на рынке – это называется построить собственную жизнь? – съязвила Алена. – Прекрасная карьера, не правда ли?

– Да нет, не совсем так, – спокойно возразил Константин, нисколько не обидевшись на выпад, – просто решил немного отдохнуть, сменить обстановку, да попутно решить кое-какие вопросы. Представляете, девчонки, я уже два года без отпуска, все некогда. А челночество – не мой конек, я занимаюсь немного другим бизнесом.

– Приятно общаться с умным человеком. А что за бизнес? – спросила Юлька. Ей было крайне интересно. Молодец человек. Подумал-подумал, принял решение и изменил одним махом все запрограммированное течение жизни. И, судя по всему, жалеть ему не о чем. По крайней мере, выглядит он вполне успешным. Издалека видно, что человек не бахвалится, а действительно весьма доволен своим нынешним положением.

– Девочки, милые, поверьте, это так скучно – все о работе да о работе, тем более человек практически впервые на отдыхе за целых два года. Давайте лучше о прекрасном. Хотите, свеженький анекдот расскажу?

Кофе потихонечку заканчивался, беседа легко перескакивала с одной темы на другую, взаимное расположение путешественников друг к другу росло. Костя оказался великолепным рассказчиком и очень внимательным собеседником. Продолжая весело и непринужденно болтать о том о сем, троица коротала дорогу.

Юлька было очень довольна. Путешествие начиналось замечательно. Столько вокруг нового, интересного, приятные новые знакомства, если все пойдет и далее таким образом, то будет просто замечательно.

Глава 4

Внезапно автобус очень резко затормозил и остановился как вкопанный. Все произошло так неожиданно и резко, что находящиеся в нем пассажиры чуть не попадали со своих сидений. В салоне послышались возмущенные крики в адрес водителя, язвительные комментарии, поднялась суматоха. Народ очень бурно отреагировал на непонятные, с их точки зрения, действия водителя.

Шофер повернулся к пассажирам. Выглядел он очень странно – лицо напоминало застывшую в страхе бледную маску, оно невольно навело ужас. Глядя на перекошенное лицо водителя, толком не понимая, что происходит, взбудораженная публика очень быстро стала затаиваться. Скоро в салоне наступила напряженная тишина. Что могло случиться? Может быть, человеку неожиданно стало плохо за рулем?

– Все, – осевшим голосом, с абсолютно безжизненной интонацией произнес водитель, – кажись, ребята, приехали.

Дальше события начали развиваться слишком стремительно и походили на плохой боевик. Передняя дверь автобуса открылась, и в салон как-то очень по-будничному стали друг за другом подниматься мужские фигуры в камуфлированной одежде, черных масках и с оружием в руках – всего шесть человек.

Они очень быстро, со знанием дела заняли почти все свободное пространство, профессионально контролируя каждого пассажира.

– Внимание, господа, – зычно произнес один из них, – добрый день! Вас приветствует дальневосточный рэкет! Попрошу оставаться на своих местах. Без паники!

Сидящих в автобусе на какое-то мгновение парализовало, через секунду истошно, как на деревенском погосте, заголосила тетка разбитного вида, а ее спутник – простоватый дядька лет сорока с курносым лицом и выразительной плешью на голове – почему-то сразу после оборвавшегося бабского крика начал громко и часто икать.

– Цыц, – строго погрозил указательным пальцем бандит непослушной парочке. – Не перебивать дядю. Дядя еще не все сказал.

Остальные бандиты дружно загоготали.

После этого он продолжил свою речь хорошо поставленным голосом, как будто заранее тренировался, гад:

– Господа челночники, попрошу не волноваться, крови мы не жаждем, просто у вас свой бизнес, а у нас – свой. Поэтому сейчас спокойно, без паники готовим кошельки и заначки, не забываем о ювелирных изделиях и все аккуратно в порядке очереди сдаем. Начинаем с первых рядов. Сдавшие деньги покидают автобус через переднюю дверь, мы больше к ним претензий не имеем.

На секунду он замолчал. В автобусе царило гробовое молчание. Оцепеневшие люди не могли выйти из шокового состояния. А бандит продолжал изгаляться над несчастными:

– И для особо одаренных еще раз повторяю: не создаем паники, сдаем все добровольно, и умоляю, господа, ничего не утаивайте. Не унижайтесь до того, чтобы моим ребятам пришлось вас обыскивать.

Направив на икающего мужика указательный палец, резко повысив тон, он вдруг рявкнул так, что в автобусе задрожали стекла, а пассажиры невольно втянули головы в плечи.

– Ты, икунчик, первый! Пошел! Не задерживай движение!

Мужик, продолжая громко икать, как-то боком неловко поднялся со своего места, трясушимися руками отстегнул поясной кошелек и протянул его бандиту.

После этого он зачем-то поднял руки вверх, добрел на полусогнутых ногах до открытой двери и буквально выпал из автобуса под веселый гогот бандитов.

Это выглядело настолько нелепо и смешно, что, несмотря на весь ужас происходящего, Юлька не могла не отметить комичность ситуации.

В абсолютной тишине пассажиры автобуса отдавали свои кровные и постепенно покидали салон. Подруги, остолбенев, уставились друг на друга остановившимися глазами.

– Юлька, – еле шевеля побелевшими губами, чуть слышно спросила Алена, пользуясь тем, что внимание грабителей было сосредоточено на первых рядах, а они занимали предпоследние кресла, – твои деньги где?

– В кошельке, – прошелестела та в ответ.

– Все?

– Угу.

– Так, все понятно, съездили...

– Девочки, – раздался за их спинами торопливый шепот Константина, – не бойтесь, все будет хорошо, просто выполняйте их требования. Вас не тронут, они здесь по мою душу.

– Да отстань ты! Подумаешь, какая персона, шесть головорезов по его душу прислали, господин какой. Тут всем мало не покажется, – раздраженно прошипела в ответ Алена.

– Я вам все потом объясню, – продолжал настойчиво шептать Костя, – поверьте на слово. И Христом Богом прошу, помогите, заберите у меня эту вещь. Вас обыскивать не станут. Пусть у вас побудет некоторое время. И не ищите меня, я вас сам найду.

Юлька словно во сне отвела опущенную правую руку чуть назад и сразу почувствовала на ладони небольшой, но довольно увесистый сверток. Очень плохо соображая, зачем она все это делает, не сводя отчаянного взгляда с приближающихся бандитов, как в замедленной киносъемке, взяла другой рукой с колен ветровку, нащупала внутренний карман и бережно положила в него предмет.

Действовала она машинально, как автомат, словно загипнотизированная, не отдавая себе отчета, зачем ей нужна чужая головная боль, да и этот Костя с его проблемами. Тут собственная жизнь висит на волоске, а она какой-то ерундой страдает, спасательница мира. Но все ее силы и помыслы каким-то странным образом в этот момент сконцентрировались на одной идее – спрятать переданный Костей предмет. Способность соображать и размышлять куда-то испарилась, вела и чувствовала она себя так, будто от успеха этой операции зависела ее собственная жизнь.

Понемногу салон становился все свободнее, камуфляжники уже приближались к подругам.

Поравнявшись с ними, один бандит принял шутовскую театрально-галантную позу и щелкнул каблуками.

– Опаньки! Мужики! Какие козочки! – заорал он оглушительно и ликующе.

Подруги вздрогнули от этого радостного вопля. И так все замечательно, просто лучше не бывает, еще не хватало, чтобы бандиты заинтересовались их прелестями.

– Отвянь, Кактус, мы сегодня не по этим делам, в следующий раз как-нибудь, успеем, – остановил его главарь. – Девки! – Это уже явно относилось к подругам. – Живо деньги на базу и брысь отсюда, сваливайте, пока целы. Мы сегодня мальчишки добрые, – и заржал как ненормальный.

Чуть дыша, со слезами на глазах, обмирая от собственного бессилия, унижения и ужаса перед происходящим, Юлька протянула бандиту кошелек, провожая его плавное перемещение в чужие загибающие лапы замороженно-безумным взглядом. Кошелек свободно и легко уплывал в руки бандитов вместе со злосчастной тысячей долларов. Целой тысячей, которая была собрана с таким трудом по крупицам у приятелей и знакомым. Хватило нескольких секунд для того, чтобы навсегда похерить задуманное предприятие и поставить жирнющий крест на мечте о благополучии, легкой и беззаботной жизни.

Кошелек упал в матерчатую сумку с бандитскими трофеями, издав отчетливый глуховатый звук. С такими сумками в мелкий синий горошек бабульки обычно ходят на рынок за овощами.

Алена, гримасничая и тяжело вздыхая, проделала точно такую же несложную манипуляцию со своим кошельком.

Вся операция заняла совсем немного времени. Через несколько минут подруги оказались на шоссе, вместе со своими совсем недавно такими жизнерадостными и беззаботными попутчиками.

Теперь люди совсем не напоминали веселую и беззаботную компанию, сейчас они больше походили на испуганную стаю молчаливых животных, тесно сбившуюся перед лицом смертельной опасности. Обобранный, униженный и бессильный перед бандитским натиском, враз онемевшая кучка несчастных людей.

– Послушай, Юлька, – потянув товарку за рукав в сторону от толпы, негромко проговорила Алена, – я, честно говоря, слышала про такие истории на дорогах и знаю, что будет дальше. Сейчас эти козлы уедут отсюда на нашем автобусе и бросят нас, горемычных, среди родных просторов. Мы потом неделю отсюда выбираться будем, а следующую неделю будем давать показания в письменном виде родной милиции, которая нас никогда не бережет. Затаскают блюстители вусмерть. Не только нам, но и мужикам нашим придется объясняться перед своим начальством и глупые рапорты писать. В результате никого из бандитов не найдут, можешь не сомневаться. А уж денежек наших нам теперь точно не видать как своих ушей.

– А что, у нас есть какой-то выход? – непроизвольно лязгая зубами, спросила Юлька.

– Выход всегда есть. Пока эти, – кивок в сторону обобранных, – толпятся и жмутся друг к другу как бараны, а те, – кивок в сторону автобуса, – еще вполне благостны и лояльны, попытаемся нырнуть в багажник, он ведь свободный. Если получится, то не важно, куда нас привезут, главное, чтобы поближе к цивилизации, а там разберемся.

Юлька, дрожа всем телом, молча внимала Алене, еще толком не понимая, к чему та клонит. У нее в голове рациональных предложений и мыслей в этот момент не было, только одна бездонная пустота и ужас.

– Ты ведь помнишь, Юлечка, – вдруг запричитала Алена, видимо, тоже стали нервы сдавать, – в городах все есть: и телеграф, и телефон, и люди добрые по улицам ходят. Так что давай сделаем так. Медленно двигаем к багажнику и по возможности не привлекаем внимание. Нам сейчас ни те, ни эти не нужны, мы сами по себе.

Скороговоркой произнес свой монолог, Алена, не теряя времени даром, начала подталкивать Юльку в сторону багажного отделения «икаруса».

В этот момент произошло страшное. Из автобуса раздался выстрел, один-единственный, но прозвучал он так неожиданно и дико, что присмирившие и безропотные челночники заголосили на все мыслимые лады и бросились, как по команде, в разные стороны.

Только Юлька застыла, словно соляной столп, на месте. Может быть, она и побежала бы вместе со всеми куда глаза глядят, но не смогла двинуться с места, скованная нечеловеческим страхом. Соображать она была не в состоянии, бежать, как все, подальше от места ограбления, у нее не осталось физических сил. Никогда в жизни ей не приходилось испытывать подобное потрясение.

Из автобуса суетливо и беспорядочно стали выпрыгивать бандиты. При этом все они почему-то орали и страшно матерились, от этого становилось еще хуже. Юлька сразу же поняла, что произошло что-то непредвиденное и наверняка непоправимое, а то с чего так суетиться и орать. Двое последних выволокли из салона и бросили на обочину дороги безжизненное тело Константина, который еще пятнадцать минут назад угощал подруг кофе и так любезно, почти по-светски их развлекал. За что они его убили?

Звери, настоящие звери! А может быть, он еще жив, просто ранен? Нет, не нужно врать самой себе. Костя мертв, мертвее не бывает.

Бандиты принялись срывать с безжизненного тела верхнюю одежду, прощупывали каждый сантиметр сначала на куртке, потом на брюках. Они явно что-то искали. Теперь они проводили посмертный обыск молча, только злобно пыхтели и иногда со злостью пинали ногами неподвижное тело жертвы.

– Идиоты! – Главарь рэкетиров сорвался на крик. – Придурки отмороженные! Кто стрелял? Нам шеф всем теперь бошки свернет! Вы нашли то, что должны были найти? У вас какое было задание? Челноков щипать или взять Капитана? Уроды, блин, недоделанные! Отвечайте, есть что-нибудь или нет? – Он был вне себя от ярости.

– Пустой он. Может, развели нас, как лохов, а? А может, просто глаза отвели?

– Шефу будешь свои умные мысли высказывать, если успеешь, умник! Все, сворачиваемся. Быстро все в автобус! Жмурика в салон! Валим отсюда! – приказал главарь.

Пока бандиты выясняли отношения, а народ разбежался в разных направлениях, Алена не теряла времени даром. Она одна сумела сохранить хладнокровие в этой стремительно развивающейся, почти непредсказуемой ситуации. Мысль о спасении прочно засела у нее в голове и заставляла контролировать свои поступки.

Шаг за шагом, соблюдая звериную осторожность, она сумела незаметно продвинуться вдоль автобуса, нащупала дрожащей рукой дверцу багажника и сделала попытку ее приподнять. Та на удивление легко поддалась и свободно заскользила вверх. Еще до конца не веря в свою удачу, Алена быстренько сиганула в багажник и опустила спасительную дверцу.

Юлька, в отличие от приятельницы, все не могла оправиться от шока. Какой-то невероятный кошмар. Среди белого дня на глазах огромного количества людей так просто и легко убили человека. И ничего не происходит. Все разбежались, каждый спасает свою шкуру. Люди, вы с ума сошли!

Вдруг раздался сдавленный Аленин шепот:

– Савельева, ныряй!

Юлька рефлексивно ринулась на знакомый голос. В одно мгновение, как заправский герой боевика, нырнула в приоткрытый люк багажника, из которого подавала сигналы Алена.

Подруги распластались на дне багажного отделения, из последних сил уцепились за какие-то внутренние скобы и стали отчаянно тянуть дверцу вниз. Та захлопнулась достаточно легко; конечно, она не была закрыта по-настоящему, однако внешне выглядела нетронутой.

Еще до конца не веря в свою удачу, обе горе-путешественницы не смогли сразу отцепиться от спасительных скоб. Они практически всей массой тел повисли на них. Никакая сила сейчас не заставила бы разжать сведенные судорогой страха пальцы. Даже когда автобус тронулся, мгновенно набрав скорость, они упорно продолжали тянуть дверцу багажника на себя. Смысла в этом не было ни малейшего, но как-то не думалось сейчас об этом самом смысле, просто хотелось выжить и спастись.

Никто из них потом так и не смог вспомнить, сколько времени они провели в таком полувисячем положении, может быть, десять минут, а может быть, и несколько часов. Постепенно они начали приходить в себя и стали, осторожно отклеиваясь от скоб, сползать по стенке на дно багажника.

Автобус трясло невероятно, в багажном отделении было темно, холодно и ужасно пыльно. Мчались они на предельной скорости неизвестно куда, надеяться особо было не на что, особенно учитывая компанию, в которой они невольно оказались.

Подруги в кромешной тьме подползли друг к другу, обнялись и, не сговариваясь, зарыдали-заголосили в голос.

– Боже, – причитала Юлька, – сидела бы сейчас дома в своем уютном кресле, штопала бы проклятые носки-и-и-и...

– Дура! – простонала в ответ Алена. – Какая же ты дура! Какие носки? При чем тут носки? Может, ты того, Савельева, маленько умом тронулась со страха? Тут надо шкуру свою спасать, думать, что дальше делать, а ее на каких-то носках заклинило. Ненормальная! И зачем я только с тобой связалась? Сто раз ездила в этот несчастный Китай. И никогда, слышишь, никогда ничего подобного со мной не происходило. Ты уж лучше заткнись и посапывай в две дырочки, удачливая ты моя!

Обидевшись неизвестно за что друг на друга, приятельницы демонстративно расселись по разным углам багажника и замолчали. Бешеная автобусная гонка по пересеченной местности продолжалась. Время, казалось, остановилось.

Первой не выдержала Алена.

– Чувствую, – произнесла она, как бы ни к кому не обращаясь, – если не успеют убить бандиты, то околеем точно. Холодрыга страшная, да и курить ужасно хочется.

– Возьми, Ален. – Юлька протянула приятельнице ветровку, которую все это время не выпускала из рук. Почему она в нее вцепилась, было непонятно, да и не важно на самом деле. Вероятнее всего, это произошло непроизвольно. – Там в левом кармане должны быть сигареты и зажигалка. Только мне кажется, что здесь курить небезопасно, что-то уж больно бензином воняет. Осталось нам только на воздух взлететь вместе с бандитами в виде заключительного аккорда под девизом и никто не узнает, где могилка моя, – вяло промямлила Савельева.

– Тьфу на вас еще раз! Юля, какая могилка! Чувствую, договоришься ты, девка. То носки какие-то, то могилка. У тебя с головой точно все в порядке? Я уже не на шутку волнуюсь.

– В порядке, не переживай. А Костю-то как жалко, а, Ален? И чего людям спокойно не живется, что они вечно делят, эти мужики, за что воюют? Раз – и нет человека. Только что разговаривал, смеялся, кофе пил, и вот тебе, пожалуйста, уже на небесах.

Вспомнив о Косте, подруги как-то сразу попритихли и впали в состояние глубокой меланхолии. С одной стороны, Костю ужасно жалко, да и не каждый день у тебя на глазах убивают человека, но ему теперь, по большому счету, все равно, а вот что им предстоит – совершенно непонятно.

Так в кромешной тьме, холоде, пыли и бензиновой вони автобус увозил подруг все дальше в неизвестность. Усталость и напряжение последних часов постепенно сделали свое дело, и приятельницы незаметно для самих себя задремали.

Глава 5

– Савельева, просыпайся, кажется, приехали, – толкнула приятельницу в бок Алена, – только тихо!

Юлька открыла глаза и поняла, что автобус остановился. За тонкой стенкой багажника слышался топот, раздавались какие-то отрывистые команды.

Боже милосердный, хоть бы им повезло! Сейчас все разойдутся, они потихонечку выберутся из багажника, и кошмар закончится. Нужно немедленно бежать в милицию. Там им помогут, обязательно помогут, позвонят в Перегудовку, и через пару-тройку часов они будут дома. Плевать на пропавшие деньги, обидно, конечно, но не смертельно. Молодец Алена, сообщила, что можно спрятаться в багажнике. Просто умница. Теперь им не придется скитаться на необжитых просторах и ночевать в поле. Бандиты, сами того не подозревая, спасли им жизнь.

– Что с водилой будем делать?

Вопрос прозвучал настолько отчетливо и резко, что подруги невольно опять прижались друг к другу, одновременно затаили дыхание, как будто в эту секунду решалась не судьба шофера, а их собственная.

– Да ничего, – услышали они в ответ, – отведем его пока в сарай, а шеф приедет, сам решит, наше дело маленькое.

Прошло минут двадцать, прежде чем возня у автобуса стихла. Девчонки слышали, как постепенно удалялись шаги и голоса, где-то хлопнула дверь, и, наконец, наступила долгожданная тишина.

– Давай, Юлечка, – тихонечко скомандовала Алена. – Попробуем выбраться отсюда, только действуем очень медленно, предельно осторожно и тихо, насколько это возможно. Ну, с богом!

Подруги вновь нащупали скобы и, соблюдая все меры предосторожности, начали поднимать дверцу багажника. Та не оказала сопротивления и на этот раз, легко поднялась вверх.

Картина, представшая перед ними, заставила подруг вздрогнуть. Никаким городом или оживленным населенным пунктом, как они рассчитывали, и не пахло. Все их надежды и планы разом летели к чертовой бабушке. Уже вечерело, но осмотреться вокруг и понять, что их хитроумный план провалился с треском, было можно.

Автобус стоял на поляне красивого дачного участка соток примерно в двадцать или больше, отгороженного от всего мира глухим забором из красного кирпича. Ворота, выглядевшие не менее убедительными, чем забор, были заперты наглухо, о чем красноречиво свидетельствовал красующийся на них огромных размеров амбарный замок.

Украшением участка, несомненно, являлся замечательный трехэтажный коттедж, выстроенный неизвестным архитектором в стиле «новые русские, вперед!». Общую концепцию участка дом не нарушал. Все было устроено богато и по понятиям. Дом был похож на странный, довольно современный не то замок, не то крепость. Стиль определить было невозможно, потому как современные искусствоведы пока еще не придумали название для диковинных фантазий современных нуворишей, осуществленных в камне. Но то, что денег в эту постройку вбабахано немало, было заметно с первого взгляда. Обыкновенную домину опять же из красного кирпича украшало немыслимое количество разнообразных украшений в виде всяких замысловатых башенок и шпилей. Подчеркивал великолепие пышной постройки и довершал общую картину флюгер в виде веселого трубочиста, который красовался на высоком коньке черепичной крыши.

Неподалеку от коттеджа располагалась бревенчатая русская банька, далее виднелось несколько хозяйственных построек. На ухоженном газоне разместилась летняя беседка, кото-

рая была собрана из деревянных ажурных конструкций, увитых красивыми цветущими растениями.

Слева от дома находилась отличная зона отдыха с огромным дубовым столом и каменным мангалом. На ухоженном, профессионально выкошенном газоне там и сям были разбросаны шезлонги.

Все замечательно, просто великолепно, кроме одного малюсенького нюанса – спрятаться абсолютно негде, тем более совершенно непонятно, как незаметно улизнуть из этого загородного рая. Подруги оказались в самой настоящей бандитской ловушке. Это было ясно как дважды два.

Дом приветливо манил к себе ярко освещенными окнами, за плотно закрытыми дверями слышались приглушенные мужские голоса.

– Слушай, бежим к ближайшей постройке, что справа. Кажется, это баня. А там разберемся, – неуверенно проговорила Алена, – ну, или пан, или пропал. Давай на счет «три». Раз, два, три!

Две фигурки метнулись к желтеющей в сумерках постройке. Через пару минут подруги оказались в бане. Суетливо и беспорядочно, поскольку страх и паника обволакивали и мешали соображать, они заметались в надежде найти хоть малюсенький уголок, где можно было бы спрятаться, переждать опасность и попытаться принять мало-мальски разумное решение, что делать дальше.

Лихорадочно-беглый осмотр помещения ничего не дал. Баня как баня: небольшой предбанник, уютная комнатка для отдыха, душевая кабина, парная с двухъярусными полками и печкой, никаких дополнительных кладовок или закутков, где можно было бы укрыться.

В конце концов подруги решили остаться в парной. Может быть, потому, что она была самой темной из всех комнат. Автоматически сработал наивный детский инстинкт. Так маленький ребенок прячется под большим обеденным столом, который накрыт плотной скатертью. Детская непосредственность и радужное восприятие мира помогают ему думать, что он поступил очень хитро – спрятался и находится в полной безопасности. Пространство замкнутое, он в своем «домике». Никто его тут не отыщет и не сможет наказать за провинность...

– Ничего, ничего, – расположившись на просторном полке и уговаривая то ли себя, то ли Юльку, нервно затараторила Алена, – ничего, дождемся полной темноты. Пусть эти гады уснут, а там видно будет. Прорвемся, подруга, не дрейфь. Главное, никогда не сдаваться.

– Да? А ты этот забор видела? – без всякого энтузиазма ответила Юля. – У графа Монте-Кристо хоть времени было навалом, да еще какая-то ложка. Ковыряй себе стеночку и ковыряй, а нам что делать? Ох, подруга, убьют нас, чувствую печенкой, что убьют. Спасибо, если легкой смертью померем, а то еще и намучаемся по полной программе, пока концы отдадим.

– Да что ты все время паникуешь? Разнюнилась: убьют, убьют, – передразнила Алена, – а вот моя печенка подсказывает, что все будет хорошо. И вообще, запомни, Савельева, безвыходных ситуаций не бывает. Главное, как на все реагировать. Еще вспомнишь мои слова, когда на старости лет будешь своим внукам о своих приключениях рассказывать. Пусть гордятся, какая у них необыкновенная и боевая бабулька. Приукрасишь, конечно, кое-что, не без этого, знай наших! Не сравнишь ведь приключения реальной боевой бабульки с тухлыми днями какой-нибудь старой развалины из «Красной Шапочки».

– Ну, у той девчонки тоже была бабулька будь здоров, а волк-то ее все равно сожрал.

– Савельева, с тобой просто невозможно разговаривать! То могилки, то носки, то проглоченные бабульки. Ты, Юлька, не человек. Ты – ходячий обморок и депрессия в одном лице. Нет, ты мне скажи, какой смысл сейчас стонать и рыдать? Дома поплачем, потом, когда сможем себе позволить такую роскошь. А сейчас изо всех сил давай попытаемся собрать мозги в кучку и попробуем придумать, что нам делать дальше. Я по личному опыту знаю, что в любом заборе обязательно должна быть какая-то брешь. Все-таки русские люди строили, а они не

могут обойтись без всяких дополнительных калиток или просто дырку оставят. Собак на территории нет, уже здорово, выберемся как-нибудь. Думай, думай, рассуждай.

Но ничего путного придумать подруги не успели. На крыльце бани раздались уверенные шаги, послышались громкие мужские голоса, потом открылась дверь, и буквально через считанные секунды в парилку ввалились трое бандитов. Резко щелкнул выключатель, яркий свет взорвал оказавшуюся такой ненадежной темноту.

– Гля, Колян, прикинь! – обрадовался первый из бандитов. – Пришли баньку наладить и попариться, а тут – сюрпрайз! Полный банный комплект, осталось только пиво принести. Лапули, вы откуда и чьи будете? Кто вас сюда подогнал? Мы вроде девок на сегодня не заказывали.

Подруги, совершенно обалдев от такого поворота событий, молча жались друг к другу не в силах ответить радостному супостату.

– Колян, а они, видать, глухонемые, – продолжал глумиться бандит, – жалко, все остальное на месте, девки-то в порядке, подходящие, для бани в самый раз.

Тот, которого первый бандит назвал Коляном, отодвинул в сторону весельчака, подозрительно оглядел подруг и заговорил не терпящим возражений тоном:

– Так, отвечать быстро и членораздельно! Кто такие и, главное, как здесь оказались? – Команды звучали как приказы, обсуждать которые не предполагалось.

– А что, неужели это частное владение? – с невинным видом поинтересовалась Алена, видимо, с перепугу ничего лучше не придумала и решила пойти испытанным путем – попыталась включить все свое женское обаяние.

– Та-ак, – угрожающе протянул бандит, совершенно не отреагировав на Аленины старания, – я вижу, девушки вы продвинутые. И кабельное телевидение в вашей деревне уже функционирует, приобщились к мировой культуре. Что ж, поздравляю. Вы еще личного адвоката потребуйте и право на один телефонный звонок. Нет, мои дорогие, здесь такие номера не проходят, вы неверно оцениваете ситуацию. Последний раз предупреждаю: или вы отвечаете на мои вопросы, или будете иметь массу неприятных ощущений и очень бледный вид. Я, конечно, не Кощей, но порядок уважаю и люблю. А вы своим появлением здесь несколько нарушаете мое представление о гармонии. Так что советую со мной шутки не шутить. У меня с чувством юмора с детства не очень. Повторяю для недоразвитых, – повысил он голос, – итак, вопрос первый: кто вы такие? И вопрос второй и самый главный: как вы здесь оказались?

– Да не собирались мы здесь оказываться, – наперебой и, перебивая друг друга, затараторили подруги, – мы – простые челноки, спокойно ехали себе в Китай, а ваши орлы, между прочим, не спросив нашего желания, привезли нас сюда.

– Я все понял, – еще больше помрачнев, сказал Колян, – правду говорить вы не хотите, овцы несчастные. Ну, пеняйте сами на себя, я вас предупреждал. Братаны, – поворачиваясь к остальным своим поделникам, подвел он итог, – этих марух в сарай. Дождемся шефа, пусть разбирается с сюрпризом. Работнички, мать вашу, – выругался Колян, видать, накопело, – Капитана грохнули, каких-то непонятных телок с собой на хвосте притащили. Отработали конкретно, придурки, ждите наград. А ну, – это уже относилось непосредственно к девушкам, – встали и пошли!

Сопротивляться было бесполезно – тяжело вздохнув и понутив свои несчастные головы, приятельницы вышли из парной на улицу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.